

*Р.Ю. Почекаев**

**Российские и британские путешественники
об административных и правовых
преобразованиях Якуб-бека
в Восточном Туркестане (1860–1870-е гг.)****

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются особенности государственного и правового устройства Восточного Туркестана в период существования государства Якуб-бека. Автор пытается выяснить, какие государственные и правовые институты Восточного Туркестана, действовавшие при империи Цин, были сохранены в новых политических условиях, а какие введены заново. Для ответа привлекаются сведения российских и британских путешественников, побывавших в регионе в данный период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Восточный Туркестан, Йэттишар, Российская империя, Британская империя, империя Цин, Синьцзян, мусульманское право.

По мнению исследователей, ослабление власти империи Цин в Восточном Туркестане началось в результате мусульманских восстаний 1820–1850-х гг., носивших поначалу «локальный» характер, но к

* Почекаев Роман Юлианович, Кафедра теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге; Санкт-Петербург, Россия; E-mail: gorot@mail.ru

** Статья подготовлена в ходе исследования (проект № 16-01-0022) по программе «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

1864 г. охвативших весь регион, вследствие чего китайский контроль над ним был полностью утрачен. Власть перешла к предводителям восставших мусульман, наиболее значительным среди которых оказался Мухаммад Якуб-бек, вскоре установивший контроль практически над всем Восточным Туркестаном и создавший обширное государство Йэттишар, просуществовавшее до 1878 г. [15, р. 247].

Логично было бы предположить, что восставшие, боровшиеся против власти «неверной» империи Цин, полностью изменят систему управления и права. Однако так ли произошло на самом деле? Ответить на этот вопрос позволяют свидетельства современников событий. Однако сведения мусульманских или китайских современников (представителей противоборствующих сторон) не могут быть беспристрастными, поэтому представляется целесообразным обратиться к сведениям иностранных очевидцев — российских и британских дипломатов, торговцев, учёных, посетивших Восточный Туркестан в период правления Якуб-бека или сразу после падения его государства.

В описываемый период в регионе побывали несколько британских миссий, руководители и участники которых оставили записки о своих поездках (У. Джонсон, Р. Шоу, Дж. Хэйворд, Т. Форсайт, Г. Троттер, Г. Беллью). В условиях противостояния с Англией за контроль над Центральной Азией Россия не могла оставаться в стороне и предприняла шаги по установлению контактов с государством Якуб-бека. В рассматриваемый период там побывали миссии П.Я. Рейнталя, А. В. Каульбарса, А.Н. Куропаткина (см. подробнее: [1, с. 112–120; 4, с. 54–60, 102–115]). Вскоре после падения Йэттишара консулом в Кашгаре стал Н.Ф. Петровский, а в конце XIX в. регион посетил Л.Г. Корнилов. Сведения этих авторов отражают административные и правовые реалии Восточного Туркестана во время и сразу после подавления антицинского восстания и позволяют сравнить изменения в системе управления и правового регулирования отношений в регионе.

Многие иностранные путешественники отмечали, что радикальных перемен в сфере административно-территориального устройства по сравнению с эпохой правлений Цин Якуб-бек не осуществил. В силу особенностей географического положения и политического развития в Восточном Туркестане уже в XVI–XVII в., ещё при ханах из дома Чингис-хана, сложилась система «полисов» — отдельных городов с округами, каждый из которых существовал практически изолированно от остальных, и в дальнейшем её не меняли ни ходжи, сменившие Чингисидов, ни свергнувшие их цинские власти [11, р. 31–32].

В цинский период китайские чиновники — цзян-цзюнь (вице-губернатор) и два амбаня — осуществляли лишь общий надзор за

порядком в регионе и собирали налоги для императорской казны. В городах и прилегающих к ним сельских округах система управления строилась в соответствии с местными политическими традициями: округами с наиболее крупными городами в качестве центров управляли хакиды местного происхождения, утверждавшиеся цинскими властями, им подчинялись беки, возглавлявшие небольшие города, а сельскими поселениями (в русских источниках — «волостями») управляли выборные чиновники — аксакалы, диван-беги или юзбаши [6, с. 34; 11, р. 95–97].

Эту систему в полной мере сохранил и Якуб-бек, поскольку менять традиционное управление было не в его интересах — ведь перед ним стояли более важные задачи: сформировать боеспособную армию для противостояния Цин и добиться признания своего государства на международной арене. Более того, он доверил хакимам всю полноту власти — как это делали цинские власти, хотя это и послужило причиной их изгнания из региона. Однако большинство хакимов в Йэттишаре назначалось из числа андижанцев, узбеков и афганцев, пришедших вместе с Якуб-беком в Восточный Туркестан [6, с. 46; 12, р. 76]. Не имея прочных связей с местным населением, они могли осуществлять властные полномочия лишь благодаря поддержке правителя. Представителей местной элиты среди хакимов было очень мало¹. Однако на уровне беков, аксакалов и юзбаши власть по-прежнему принадлежала местным уроженцам.

После падения государства Якуб-бека цинская администрация сохранила мусульманские институты управления [6, с. 216]. Изменения в устройстве региона начались лишь в 1880-е гг., после того как китайский контроль над регионом был полностью восстановлен. У нового главы региона (суй-фу — гражданский губернатор) появилось 4 даотая, каждый из которых контролировал несколько округов, в свою очередь разделённых на уезды — уже в соответствии с административной системой империи Цин [5, с. 249–264]. Имперские власти постепенно отодвигали от управления округов энергичных хакимов и беков, заменяя их либо своими преданными сторонниками, либо даже китайскими чиновниками [7, с. 12–15]. С одной стороны, это можно объяснить тем, что китайцы сделали выводы по итогам восстания, но с другой — замена местных администраторов китайскими являлась необходимостью: большинство представителей администрации Восточного Туркестана в своё время поддержали Якуб-бека, а после разгрома Йэттишара бежали в пределы России [9, с. 200].

¹ Только два уроженца региона (причём ранее уже занимавшие посты в период правления Цин) сумели сохранить посты хакимов до падения режима Якуб-бека: Абдурахман в Яркенде и Нияз-бек в Хотане [14, р. 107; 17, р. 468].

Как и китайские власти, Якуб-бек был заинтересован в своевременном и полном получении налогов. Поэтому он сохранил налоговую систему сборщиков и практически все мусульманские налоги, которые существовали в эпоху Цин². Сбором налогов занимались сборщики — серкеры и зякетчи (как правило, назначавшиеся на должности хакимами и беками из числа своих родичей или избравшиеся местным населением) [6, с. 34–35]. Соответственно, со времён Цин продолжали взиматься основные мусульманские налоги ушр (с урожая) и зякет (аналог таможенного сбора), а также поземельный танапный сбор. Но Якуб-бек также ввёл новые налоги: хан-дилик (с владельцев домов), тари-кара (налог с наследуемого имущества после смерти наследодателя), налог на содержание регулярной армии. Существовали даже налоги для вознаграждения самих сборщиков: саман-пул (2 мешка соломы с каждого батмана) и кяфсен (денежное вознаграждение) [6, с. 33–34]. С местного населения также взимались продовольствие, фураж, скот и топливо для проезжающих чиновников или иностранных дипломатов. При этом нередко всё взималось в количестве, в 2–3 раза превосходившем необходимость, после чего излишки продавались чиновниками самим же прежним хозяевам [2, с. 173; 6, с. 41–42]. Якуб-бек обложил хараджем вакуфное имущество (т.е. освобождённые от налогов и участия в гражданском обороте земли и объекты недвижимости, доходы от которых шли на религиозные нужды), чего не делали даже «неверные» китайцы! [6, с. 45].

Ставки налогов постоянно возрастали: если в начале правления Якуб-бека харадж был 10%, то потом он возрос до 20% (а в некоторых местностях — и до 50%), танапный сбор, составлявший 2 таньга с танапа, возрос до 7–10; хан-дилик был установлен в размере 1 таньга с дома, но вырос до 4 таньга; тари-кара со временем увеличился с 2,5 до 5% [6, с. 33–34, 44–45; 11, р. 97]. Якуб-бек ввёл практику передачи сбора налогов на откуп хакимам, что рождало многочисленные злоупотребления со стороны сборщиков. Однако российские очевидцы, в целом критически оценивавшие систему управления при Якуб-беке, отмечали, что взяточничество и лихоимство в его государстве было не больше, чем в других государствах Центральной Азии [6, с. 41, 44].

Китайские власти после восстановления контроля над Восточным Туркестаном внесли изменения в налогообложение. Отныне

² В отличие от ряда других правителей Восточного Туркестана данного периода, которые вносили определённые изменения в налоговую систему с целью повышения её эффективности. Например, хотанский правитель Хабибулла установил в качестве «единого налога» десятину со всех видов производимой в его владениях продукции и добываемых ресурсов, а также с экспортных и импортных товаров [13, р. 8].

поземельный налог не взимался с площади земли, а зависел от собранного урожая. С торговцев налоги вообще не брались, но вводился косвенный налог при покупке скота «бадж», составлявший 10% от его стоимости. Предпочтение отдавалось натуральной форме уплаты налогов — зерном, соломой, дровами и пр. [7, с. 17–19]³.

Нуждаясь в деньгах и увеличивая налоги, Якуб-бек при этом не способствовал развитию торговли. Внутренняя торговля складывалась стихийно и не была активной: во-первых, были изгнаны китайцы, много делавшие для её развития, во-вторых, многие товары были изъяты из оборота как противоречащие шариату или не соответствующие качеству, в-третьих, снизилась покупательная способность населения [2, с. 98, 213]. Как писал Т. Форсайт, местные жители говорили ему, что в китайские времена товаров было намного больше [11, р. 36]. Внешняя торговля также была ограничена: правитель не позволял караванам выезжать из Йэйтишара чаще, чем раз в 4 месяца, особо строго контролируя торговцев, ведущих дела с Российской империей: ведь многие купцы и погонщики караванов нередко отправлялись в российские пределы, чтобы остаться там. Якуб-бек ввёл практику «паспортов» (т.е. специальных разрешений на выезд) и залогов («обеспечений») для отправляющихся с караванами и паломников [2, с. 185–186].

Правитель Йэйтишара довольно много внимания уделял поддержанию коммуникаций, строительству и ремонту дорог и мостов [2, с. 222; 3, с. 41; 17, р. 460]. Это было связано с тем, что он, в отличие от китайцев, старался управлять страной отдавая устные приказы, поэтому ему было необходимо постоянно рассылать многочисленных гонцов в подвластные ему регионы с соответствующими указаниями для правителей [6, с. 37; 8, с. 185]. Вероятно, не в последнюю очередь подобная практика объяснялась тем, что сам Якуб-бек был неграмотен (хотя и производил на иностранцев впечатление образованного человека).

Якуб-бек начал чеканить собственную монету, ставшую основным платежным средством в Йэйтишаре. При этом медные же монеты (пулы), которые использовались наиболее широко, продолжали чеканиться по образцу прежних, имевших распространение при цинских властях, — вероятно, так Якуб-бек пытался добиться доверия населения к новой монете, однако сам навредил себе денежными махинациями. После отказа от сюзеренитета Коканда Якуб-бек начал изъятие из оборота «кокани» (кокандских таньга), за которые давали по две

³ Налоговые преобразования представляются вполне оправданными, учитывая, что одной из причин восстания послужило мздоимство китайской администрации [6, с. 129].

местных, он же начал принудительно выкупать их по полтаньга за каждую. Затем он приказывал перелить эти деньги в местные, худшего качества (зарабатывая на такой операции вдвое) [6, с. 52–53; 10, с. 19]. Неудивительно, что местные жители с тоской вспоминали времена правления империи Цин, когда на ту же сумму можно было купить втрое больше продуктов или других товаров [17, р. 470].

Не внося существенных изменений в региональное управление и налоговую систему, Якуб-бек начал серьезные преобразования в частноправовой сфере, провозгласив шариат единственной правовой системой Йэттишара [6, с. 28; 17, р. 465–466]⁴. В этом отношении его политика резко отличалась от политики религиозной толерантности, проводимой цинскими властями, позволявшими местному населению разного рода «ослабления» в религиозной сфере. При китайцах среди местного населения были распространены курение и потребление алкоголя, не было обязательного посещения молитв, а женщины нередко появлялись на улицах с открытым лицом. Возможность не соблюдать многие положения шариата объяснялась тем, что в цинский период в Восточном Туркестане отсутствовали властные институты контроля за соблюдением канонов мусульманского права, имевшиеся в других государствах Центральной Азии [6, с. 28–29; 11, р. 84]. При Якуб-беке появились кази — судьи, разбиравшие дела на основе шариата, и раисы — чиновники, осуществлявшие постоянный надзор за соблюдением предписаний мусульманского права в повседневной жизни [2, с. 212; 6, с. 35; 11, р. 104]. Создавая систему своеобразной «полицейской нравов», Якуб-бек опирался на опыт Коканда, позаимствовав оттуда должности шейх-ул-ислама (главы духовенства), кази-каляна (верховного судьи), кази-аскера (главного военного судьи) и кази-раиса (главы раисов) [11, р. 98–99; 17, р. 466]. В пользу этих чиновников, равно как и духовенства (мулл, учителей медресе), взымались дополнительные налоги и сборы, имевшие, впрочем, характер добровольных приношений [6, с. 36].

⁴ Исламизаторская политика Якуб-бека должна была повысить его легитимность в глазах местного населения. И сами жители Восточного Туркестана, и иностранные путешественники прекрасно понимали, что он фактически захватил власть, отстранив номинального законного правителя Бузрук-хана-тура (см., напр.: [2, с. 182]). Поэтому ему необходимо было сформировать в глазах своих подданных образ борца за «истинную веру» (прибавив к своему имени титул «гази»), чтобы они признали и поддержали его власть. Кроме того, уже обращалось внимание, что Якуб-бек никогда не принимал титула хана или султана, чтобы не дать повода обвинить себя в прямой узурпации власти: он носил титулы эмира, аталыка, а затем получил от османского султана также титул бадаулета и довольствовался фактической властью в регионе [14, р. 98–99].

Отныне всё население должно было соблюдать основные принципы шариата, включая пятикратную молитву, запрет на курение опиума и алкоголь [2, с. 283]. Женщины были обязаны закрывать лица и практически лишились права распоряжаться своим имуществом [11, р. 89; 17, р. 480]. Кроме того, была отменена практика так называемого «временного брака», имевшего распространение при китайских властях: жительницы Восточного Туркестана нередко заключали такой брак с приезжими иностранными купцами, которые, уезжая обратно, оставляли своим «жёнам» некоторое имущество. Якуб-бек строго запретил такой брак и даже казнил нескольких нарушительниц запрета. Но женщины нашли способ обойти его: они заключали официальный брак, но затем, якобы, ссорясь с мужьями, обращались к кази с заявлением о разводе и получали его, заплатив всего 1 таньга! А если женщина не желала выждать срок, необходимый для вступления в новый брак, она могла переехать в другой город и заключить брак там [2, с. 283–284; 11, р. 84–85].

С укреплением роли шариата в Восточный Туркестан пришла и суровая система наказаний. При китайских властях в большинстве случаев преступников карали штрафами или тюремным заключением, теперь же были введены телесные и увечные наказания, широко применялась смертная казнь (в крупных городах — перерезание горла, в малых — чаще повешение) [11, р. 101–102]. Впрочем, как отмечают иностранцы, жестокость Якуб-бека вскоре принесла свои плоды: в 1870-е гг. количество преступлений резко снизилось, практически прекратились грабежи и разбои [6, с. 29; 16, р. 131].

Отдельного внимания заслуживают особенности статуса кочевников Восточного Туркестана (казахов, киргизов, калмыков). Они не были привязаны к земле и собственности, а потому в любой момент могли сложить с себя подданство властей Восточного Туркестана и перекочевать под власть другого сюзерена. Принимая это во внимание, и китайские власти, и Якуб-бек старались обеспечить им различные льготы и привилегии. У них сохранялись их собственные правители (султаны и беки у казахов, бии у киргизов, нойоны или дзасаки у калмыков) [11, р. 47–48, 60; 12, р. 70], они практически не платили налоги. Правда, Якуб-бек попытался установить более жёсткий контроль над кочевниками и однажды даже приказал задержать в Кашгаре киргизского вождя с сыном, приехавших для разрешения территориального спора [12, р. 102; 18, р. 196]. Подобные действия не могли вызывать доверия со стороны кочевников, и калмыки, поначалу признавшие власть Якуб-бека (пообещавшего не навязывать им ислам), вскоре в большинстве своём перекочевали в Кульджинский край, находившийся под властью России [6, с. 28, 144–145, 189].

После восстановления контроля над Восточным Туркестаном китайские власти продолжили либеральную политику в отношении кочевников. С них вообще не взимались налоги в китайскую казну, они сохранили собственную систему управления и суд. Однако, как отмечали российские дипломаты, эти меры лишь усиливали презрение кочевников-мусульман к китайцам, и они готовы были поддержать любое восстание против них [5, с. 265–266; 7, с. 16–17].

Итак, радикальных реформ в области государственности и права Якуб-бек не осуществил, сосредоточившись в большей степени на укреплении позиций шариата. Но, несмотря на принадлежность большей части населения региона к исламу, политика Якуб-бека далеко не во всём вызывала одобрение и нередко жители оценивали политику китайцев до восстания 1864–1878 гг. выше⁵. Но и китайские власти по восстановлению контроля в регионе не стали окончательно интегрировать его в состав империи Цин: местные органы самоуправления формировались и действовали в соответствии с местными правовыми обычаями и население имело возможность жить по ним, а не по китайским нормам. Иностранцы современники критиковали такой подход, считая, что китайцы продолжают совершать ошибки, которые уже привели к восстанию 1860–1870-х гг. [5, с. 267]. Однако в специфическом регионе имперским властям, по всей видимости, иначе действовать было просто-напросто невозможно, учитывая сложные отношения местного мусульманского населения с властями «неверной» империи Цин.

Литература

1. *Басханов М.К.* Политика Англии в отношении государства Якуб-бека // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата, 1990.
2. *Беллью.* Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 г. СПб., 1877.
3. Журнал заседания Отделения географии физической // Известия Императорского Русского географического общества. Т. V. 1869.
4. *Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата, 1988.
5. *Корнилов Л.Г.* Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.
6. *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

⁵ Один ревностный мусульманин говорил Г. Беллью, что, хотя он и ненавидит «неверных» китайцев, но признаёт, что они были неплохими правителями [2, с. 263–264].

7. Отчёт консула в Кашгаре Н. Петровского. 1885 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXII. СПб., 1886.
8. П.П. Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре // Военный сборник. 1870. № 7.
9. Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. М., 2010.
10. Тухтиев И. Нумизматические материалы как источник по истории Восточного Туркестана (XVIII — начало XX в.). Автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1989.
11. Forsyth T.D. Report of a mission to Yarkund in 1873. Calcutta, 1875.
12. Hayward G.W. Journey from Leh to Yarkand and Kashgar, and Exploration of the Sources of the Yarkand River // Journal of the Royal Geographical Society of London. Vol. 40. 1870.
13. Johnson W.H. Report on Journey to Ilchi, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary // Journal of the Royal Geographical Society of London. Vol. 37. 1867.
14. Kim H. Holy War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford, 2004.
15. Newby L.J. The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden; Boston, 2005.
16. Shaw R.B. A Visit to Yarkand and Kashgar // Proceedings of the Royal Geographical Society of London. Vol. 14. № 2. 1869–1870.
17. Shaw R. Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar (formerly Chinese Tartary) and return journey over the Karakoram Pass. L., 1871.
18. Trotter H. On the Geographical Results of the Mission to Kashghar, under Sir T. Douglas Forsyth in 1873–74 // Journal of the Royal Geographical Society of London. Vol. 48. 1878.

R.Yu. Pochekaev*

Russian and British travelers on administrative and legal reforms of Yakub Beq in the Eastern Turkestan (1860–1870s)

ABSTRACT: The paper deals with specific features of state and law of the Eastern Turkestan in the time of Yakub Beq state existence. This is an attempt to clarify which state and legal institutions which were used before, which were introduced by Qing, which of them were preserved in new political realities and which were introduced anew. To elucidate this matter we use the information of Russian and British diplomats who visited the region in this period.

KEYWORDS: Eastern Turkestan, Djety-Shahr, Russian Empire, British Empire, Qing Empire, Xingjian, Islamic law.

* Pochekaev Roman Yulianovich, Ph.D. (Law), National Research University Higher School of Economics, Department of Theory and History of Law and State, St. Petersburg, Russia; E-mail: ropot@mail.ru